

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 91 (1448)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Алексея Хазбиева «С моря на сушу», опубликованная в журнале «Эксперт», № 34, 21-27 августа 2017 года.

Вологда
сентябрь 2017

С моря на сушу

России нужно сокращать расходы на флот и увеличить – на переоснащение ВДВ и Сухопутных войск, как того требуют от нас новые угрозы. Но абсолютным приоритетом должно стать создание научно-технического задела и ускоренная модернизация стратегических ядерных сил, так как в противном случае «нас разнесут в пух и прах», считает заместитель директора Центра анализа стратегий и технологий Константин Макиенко.

В сентябре президент Владимир Путин, как ожидается, утвердит новую Государственную программу вооружений (ГПВ) до 2025 года. Но уже сейчас ясно, что ее финансирование неизбежно придется резко сократить. Поначалу наши военные требовали выделить им на переоснащение армии и флота порядка 30 трлн рублей, но потом снизили свои запросы до 22 трлн. Тем не менее даже такая сумма показалась Минфину чрезмерной, и после жестких пикировок в правительстве финансисты урезали ее до 17 трлн рублей. Заметим, что это почти на 3 трлн рублей меньше, чем тратится на текущую ГПВ-2020. Но самое важное – это перераспределение внутри новой программы расходов на отдельные виды вооруженных сил и рода войск. Если до сих пор наши флотоводцы буквально купались в деньгах, а Сухопутные войска и ВДВ находились на положении бедных родственников, то теперь эти роли поменяются с точностью до наоборот. Так, в рамках пока еще действующей программы ВМФ выделялось 4,7 трлн рублей, а теперь флот получит лишь 2,6 трлн рублей. А вот финансирование Сухопутных войск и ВДВ увеличат с 2,6 трлн рублей до 4,2 трлн, что составляет почти четверть всех расходов новой программы. Такой рост расходов по этой статье объясняется напряженной ситуацией на Украине, в Средней Азии и Сирии, а также необходимостью массовых закупок бронированных платформ нового поколения – «Армата», «Курганец» и «Бумеранг». О том, какую еще технику нам необходимо создавать и закупать, как увеличить продажи российского оружия на внешнем рынке и может ли в нынешних условиях наша оборонка провести конверсию, в интервью «Эксперту» рассказал заместитель директора Центра анализа стратегий и технологий Константин Макиенко.

– Насколько оправданно и целесообразно резкое уменьшение расходов в рамках ГПВ до 2025 года в нынешней ситуации?

– Само по себе сокращение расходов на закупки вооружений и военной техники оправданно и неизбежно. Во-первых, в ходе реализации текущей госпрограммы произойдет значительное насыщение современными или новыми вооружениями в нескольких финансово емких сегментах. До 2018 года, например, должны быть построены пять из восьми стратегических подлодок класса «Борей» и три из семи АПЛ класса «Ясень». Процентом на семьдесят будут закрыты потребности ВКС по тактической авиации и вертолетам. Ни одна ГПВ в постсоветское время не выполнялась столь успешно, как текущая. Даже если не будет достигнут целевой индикатор – оснащение войск новой техникой на 70 процентов, все равно уже сейчас можно смело утверждать, что этот показатель составит по большинству сегментов не менее 60–65 процентов. Надо только иметь в виду, что понятия «новые» и «современные» вооружения не тождественны. Например, поставленные в ВКС истребители МиГ-29СМТ – это, вне всякого сомнения, машины нового производства, построенные без использования технологического задела. Но являются ли современными самолеты, система вооружения которых выстроена на основе радара с механическим сканированием луча, – вопрос открытый.

Надо понимать, что ГПВ-2020 успешно выполняется в обстановке экономической стагнации, а в отдельные годы и рецессии, и в условиях резкого падения цен на углеводороды. Но этот успех создал предпосылки для сокращения объемов ГПВ-2025. У Анатолия Сердюкова и Николая Макарова на руках были веские

аргументы в их полемике с Алексеем Кудриным об объемах необходимого финансирования нынешней программы. Сегодня же Сергею Шойгу и Юрию Борисову гораздо труднее доказать необходимость сохранения расходов на закупку вооружений и военной техники в прежнем объеме, так как финансовые возможности страны существенно сократились. ГПВ-2020 версталась при цене нефти около ста долларов за баррель, сегодня эта цена даже номинально вдвое ниже. То есть, с одной стороны, страна не может тратить деньги на закупки техники в прежнем объеме, а с другой – в этом уже нет такой острой необходимости, как в 2009 году.

– Возьмем ВКС. Туда действительно за последние годы поступило несколько сотен последних версий истребителей четвертого поколения – Су-30СМ, Су-34 и Су-35. Но у нас вместе с морской авиацией остается чуть ли не три сотни самолетов третьего поколения типа Су-24 и Су-25, а также огромное количество Су-27, МиГ-29, МиГ-31, которые хотя и относятся к четвертому поколению, но не прошли модернизацию. Наконец, у нас чудовищно изношен парк стратегических бомбардировщиков, прежде всего турбовинтовых Ту-95, которым уже по полвека. И эта ситуация неприемлема. Ясно же, что их надо вывести из парка и заменить новыми.

– Модернизировать Су-27 и МиГ-29 поздно, экономически это еще имело смысл в нулевые годы, но сегодня уже лучше закупать самолеты нового производства. Истребители раннего четвертого поколения не нужно заменять в соотношении один к одному, потому что современные комплексы в разы превосходят их по боевому потенциалу, но при этом и дороже. Модернизация МиГ-31 ведется и, насколько я понимаю, дает хорошие результаты. Наконец, что касается старых ударных самолетов – фронтовых бомбардировщиков Су-24 и штурмовиков Су-25, то кампания в Сирии показала, что после проведения модернизации эти машины могут быть весьма эффективными, правда в специфических условиях, при слабом ПВО противника.

Теперь что касается стратегической авиации. Насколько я понимаю, в новой программе в части ВКС акцент как раз и будет сделан на ее модернизацию. А вторым приоритетом станет военно-транспортная авиация.

– А мы вообще в состоянии возродить производство стратегического бомбардировщика Ту-160?

– У меня нет оснований предполагать, что здесь возникнут какие-либо непреодолимые проблемы. Правда, чем хуже ты осведомлен о каком-то проекте, тем оптимистичнее его оцениваешь. Но если говорить серьезно, то гораздо больше сомнений возникает по поводу будущего проектов в области военно-транспортной авиации. На мой взгляд, компетенции в этой сфере по ряду субъективных причин, связанных с личностью прежнего руководителя фирмы Ильюшина, в значительной степени утрачены. Это при том, что уже в советское время она отличалась, мягко скажем, предельной консервативностью, особенно на контрасте с КБ Антонова. Все проекты, порученные в последние полтора десятилетия фирме Ильюшина, были провалены или годами делятся без видимого результата. Например, провален проект самолета МТА, поставка Ил-76МФ в Иорданию произведена со значительным отставанием и нанесла серьезный ущерб российско-иорданским отношениям, в том числе политическим. Крайне медленно развивается проект Ил-112В, даже программа модернизация платформы Ил-76 по проекту Ил-76МД-90А до сих пор не доведена до стадии ритмичного серийного производства, хотя проект стартовал более десяти лет назад.

– За это время пять таких самолетов уже поставили, еще пять вроде бы должны передать военным в этом году. Правда, в Ульяновске уже говорят, что знаменитый контракт на приобретение Минобороны 39 Ил-76МД-90А за 140 миллиардов рублей должен быть пересмотрен. При этом стоимость лайнера возрастает с 3,6 миллиарда рублей до пяти миллиардов. Но стоимость контракта не изменится, завод просто сделает меньше машин...

– Естественно, цены за это время ушли вверх. Если еще десять лет не работать, а только имитировать деятельность, цены снова улетят, тогда и количество самолетов можно будет вновь сократить. Это, кстати, очень удобная позиция. Думаю, что для Алексея Рогозина, нового вице-президента ОАК по транспортной авиации, дело фамильной чести эту ситуацию изменить.

– *Вернемся к «стратегам». У нас в парке три типа таких самолетов. Это шестьдесят устаревших Ту-95МС и примерно полтора десятка Ту-160. Есть еще менее полутора сотен сверхзвуковых Ту-22М3, но они имеют дальность полета менее семи тысяч километров и в строгом смысле слова дальними не являются. Мы намерены возродить выпуск Ту-160М2, но параллельно ведем работы по созданию нового перспективного авиакомплекса дальней авиации (ПАК ДА), который будет дозвуковым. Может быть, достаточно иметь только один тип?*

– ПАК ДА – это все-таки отдаленная перспектива. Этот проект, скорее всего, войдет в новую программу только в части НИОКР, а его серийное производство развернется уже после 2025 года. Что же касается дозвуковой скорости, если только ПАК ДА действительно будет дозвуковым, это не должно смущать. Сейчас самолет такого класса должен прежде всего отвечать двум критериям – иметь возможность длительного полета и малую заметность. Задача такой машины – как можно дольше оставаться в заданном районе. При дозаправках и наличии сменного экипажа это могут быть десятки часов. Грубо говоря, в угрожаемый период такие платформы выходят на рубеж пуска дальнобойных ракет и барражируют на этом рубеже, оставляя политикам возможность и время урегулировать кризис. Ни РВСН, ни морские стратегические ядерные силы такой гибкостью не обладают. В случае же начала боевых действий атака будет осуществляться сверхзвуковыми или гиперзвуковыми ракетами большой дальности. То есть сам самолет – это просто платформа для ракет. Она должна долго висеть в воздухе, иметь большой боезапас и

минимально светиться на радарх и в инфракрасном диапазоне. Сверхзвук же для таких платформ избыточен. В принципе, такой комплекс вообще может быть создан на платформе коммерческого широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета. Малозаметным он, конечно, не будет, но автономность и боезапас будут огромными.

– *Если следовать этой логике, то такие же платформы нам необходимо создать не только для ВКС, но и для ВМФ. Имеются в виду новые ракетные подводные крейсера стратегического назначения (РПКСН), которые придут на смену подлодкам проекта «Борей». Кстати, ВМФ уже заявил, что серия «Бореев» продлена не будет, идет работа над модернизацией проекта. И это легко объяснить: основное оружие этих подлодок – МБР «Булава» – не доказало своей эффективности. Последние одиночные запуски вроде бы проходят успешно. Но вот обещанные залповые стрельбы не менее чем тремя ракетами «Булава» так и не состоялись.*

– Если придется делать новую ракету, то под нее по определению нужно делать и новый носитель. Теоретически можно, наверное, вписать новую ракету в «Борей», но это технически намного сложнее. А вообще, предпочтительнее все-таки довести «Булаву», если, конечно, там действительно остаются проблемы.

Сакральный приоритет

– *Но для нас не менее важны и новые средства защиты, в том числе от создающихся сейчас в США гиперзвуковых средств поражения. Не секрет, что реализация концепции «быстрого глобального удара» предполагает уничтожение практически любого государства за один час. Проведенное в Пентагоне компьютерное моделирование показало, что для этого достаточно выпустить порядка четырех тысяч гиперзвуковых ракет. Как нам быть в этой ситуации?*

– Могу сказать только одно: Россия должна сделать все, чтобы наши стратегические ядерные силы, СЯС, не были девальвированы. Потому что, как только произойдет технологическая или любая другая девальвация российских

сил сдерживания, этим обязательно воспользуются США. Сразу же возникнут надуманные обвинения, не важно в чем. Именно это сейчас и происходит. Так называемые русские хакеры – это же чистый аналог той самой пробирки с непонятным веществом, которой тряс в Совбезе ООН экс-госсекретарь Колин Пауэлл. И всё – нас попытаются разнести в пух и прах. Тем более в условиях очевидной нарастающей дисфункции американской политической системы. Мускулы они нарастили невиданные, а мозг остался на уровне подростка, причем сразу, минуя фазу расцвета, впал в деградацию. Единственная причина, по которой Россия еще существует, сохраняя свою целостность и суверенитет, – наши силы ядерного сдерживания. А раз так, то они есть абсолютный, сакральный и экзистенциальный приоритет. И нам, безусловно, нужно их развивать и параллельно искать технологический ответ на концепцию «быстрого глобального удара».

– У нас он вроде бы есть. Идут испытания новых гиперзвуковых ракет, создаются и новые стратегические носители: легкого класса – «Рубеж» и тяжелого – «Сармат». Кроме того, ведется НИР по подвижному железнодорожному комплексу «Баргузин». Нет только новых противоракет. Должны ли они стать приоритетом новой ГПВ?

– РВСН и ВКО даже в самые тяжелые для нашей страны годы, будь то 1993-й или 1998-й, все равно оставались приоритетом. Так будет и сейчас. Правда, некоторые авторитетные академики-политологи иногда говорят, что мы все время ведем локальные войны, а деньги вбухиваем в СЯС и ПРО. Так, может быть, именно потому, что эти направления всегда инвестировались на пределе возможностей, это и позволило избежать глобальной войны.

– Какие еще должны быть приоритеты при подготовке новой ГПВ?

– Мне кажется, что после силы ядерного сдерживания это Сухопутные войска и ВДВ. А вот, скажем, ВМФ в иерархии приоритетов не должен занимать сейчас высокую позицию.

Основные угрозы России исходят с сухопутных направлений. Важнейшие потенциальные задачи наших Вооруженных Сил – принуждение, в случае необходимости, некоторых наших соседей к отказу от враждебных действий против России, тоже будут выполняться на континенте. Но это не значит, что России вообще не нужен флот.

– Тем не менее Владимир Путин поставил задачу не допустить существенного превосходства ВМС других стран над российским флотом, который по боевой мощи должен стать вторым в мире. Как ее добиться?

– С учетом наших морских сил ядерного сдерживания общий боевой потенциал ВМФ России был, есть и еще долго будет вторым. Но в части морских сил общего назначения сохранение второго места невозможно. Не должна и не сможет шестая экономика мира (при расчете ВВП по ППС. – «Эксперт»), чья торговля идет по трубопроводам или по «железке», стремиться к этому второму месту в мире. Не секрет, что, например, КНР сегодня вводит в состав ВМС НОАК один корвет в шесть недель. А в России недавно введенный в состав Тихоокеанского флота корвет «Совершенный» строился одиннадцать лет. А ведь это довольно простой корабль водоизмещением всего две тысячи тонн.

– А нужен ли нам новый авианосец? Или, скажем, новые корабли дальней океанской зоны для экспедиционных войн, как в Сирии?

– При создании морской авианосной системы один только авианосец будет стоить 350–400 миллиардов рублей, а с авиагруппой и кораблями сопровождения вся система потянет на триллион. На этом дискуссии можно считать закрытой. Замечу, что в России отсутствует ряд критических технологий – нет катапульты, палубных самолетов дальнего радиолокационного обнаружения, палубных противолодочных самолетов, самолета укороченного взлета и вертикальной посадки STOVL. Все это можно создать, но это еще сотни миллиардов рублей. В нынешних реалиях до 2025 года нужно ограничиться научно-исследовательскими работами, максимум – опытно-конструкторскими. Главное

– иметь технологический задел в этой области, и тогда, если возникнет необходимость и появятся ресурсы, построить такой корабль в течение семи-восьми лет. Если же говорить о проекции силы, то ограниченный потенциал России, безусловно, необходим. Хотя бы на имеющемся сейчас уровне его нужно сохранить. А в идеале и увеличить, построив пару универсальных десантных кораблей. Но сначала хорошо бы отработать и построить большую серию однотипных фрегатов и корветов.

– Если действующая ГПВ предусматривала щедрое финансирование флота, то новая – Сухопутных войск и ВДВ. Для этого есть серьезные причины помимо сдерживания враждебно настроенных государств на западных и отчасти южных рубежах?

– На мой взгляд, это правильно. Перед Сухопутными войсками стоит задача перехода на бронетехнику – танки, БМП и БТР – нового поколения. В советской традиции приоритет отдавался огневой мощи и скорости в ущерб защищенности. Возможно, для той эпохи это было правильно. Но в текущей демографической ситуации Россия чуть ли не впервые за три века не может рассчитывать на количественное превосходство. За исключением наполеоновского нашествия русская, а затем советская армия против западных противников в большинстве случаев имела количественное превосходство, которое позволяло компенсировать организационные недостатки и технологическое отставание. Но такое положение осталось в прошлом. Российский солдат становится большой ценностью. А это значит, что мы должны действовать в израильской парадигме, когда ради сохранения человека надо вкладываться в технологии, создавать на порядки более защищенные платформы. Это танки «Армата», гусеничные БМП «Курганец» и колесные «Бумеранг».

– Так они уже есть и участвуют в парадах...

– Не понимаю, зачем и кому нужно было вытаскивать эту технику на парады. Покрасовались ради показухи, но ведь требуются еще годы и годы на доводку этих машин. Подозре-

ваю, что эти показы сильно осложнили работу «Рособоронэкспорта» и Уралвагонзавода на внешних рынках: попробуйте теперь продать Т-90, если все уже ждут Т-14 («Армата». – «Эксперт»)! Похожая ситуация сложилась несколько лет назад с С-400. Хотя большая ракета для этого комплекса тогда еще не закончила испытания, заказчики отказывались брать С-300ПМУ-2 и менее раскрученный в медиа С-300ВМ, все уже начали требовать С-400.

Возвращаясь к бронетехнике: в период действия новой ГПВ хорошо бы начать массовые закупки этих основных танков и бронемашин нового поколения, если, конечно, будут закончены ОКР. При всей дороговизне этих машин, закупки должны производиться сотнями единиц.

Киборги на поле боя

– При обсуждении новой госпрограммы вооружений очень мало говорится о формировании научно-технического задела (НТЗ), о создании оружия на новых физических принципах. Между тем в США уже проходят испытания новые лазерные и электромагнитные пушки. Считается, что подобное оружие эффективно, в частности, в борьбе с гиперзвуковыми ракетами – оно определенным образом возмущает среду в планируемом районе подлета. Какое оружие в ответ надо создавать нам?

– Не уверен, что финансирование создания НТЗ должно идти по линии Минобороны. Но сам вопрос чрезвычайно важен: без приоритетного и опережающего создания НТЗ НИОКР систем нового поколения или принципиально новых систем вооружений это бесполезная трата ресурсов.

Если говорить о революционизирующих вооруженную борьбу инновациях, то мне кажется, что в ближайшей перспективе по-настоящему прорывные вещи будут связаны с роботизацией. Магистральный тренд – вывод человека как биологического субъекта с поля боя. И по возможности замена его автоматами. Это могут быть не только беспилотные летательные аппараты, но и дистанционно управляемые или автоматические наземные, подводные и надводные средства без экипажа. Чем меньше людей на поле боя, тем лучше. Кстати,

еще во время войны в Карабахе, в 1992–1994 годах, армянские танкисты часто отказывались от третьего члена экипажа. Командир выполнял функции наводчика, а вторым членом экипажа был водитель-механик. И это позволило им резко снизить потери в личном составе. И как знать, может быть, с ростом автоматизации в танке останется сначала один человек, а потом и ни одного. Или будут смешанные группировки из обитаемого танка и нескольких роботизированных бронированных платформ. А в более отдаленной перспективе революция в военном деле будет связана с изменением биологической природы человека, вмешательством в геном. Например, в части приобретения человеком устойчивости к радиации или создания солдата, у которого в принципе отсутствует чувство страха или он способен видеть в инфракрасном диапазоне. Фактически речь идет как о геномной инженерии, так и о введении в биологический состав каких-то механических систем или структур.

– Известный футуролог и технический директор Google Рэймонд Курцвейл уверен, что к 2025 году повсеместно будут использоваться гаджеты-имплантаты, а еще через десять лет человечеству впервые удастся перепрограммировать клетки. Правда, он утверждает, что операции такого рода будут делать любые районные больницы в США, но исключительно для лечения людей. Однако на самом деле биологам ничто не мешает делать это для решения каких-то военных задач...

– Слушайте, любые полезные новшества будут немедленно использованы военными, будь то достижения медицины для миллиардеров или индустрии гаджетов для подростков. Полевая медицина, насколько я понимаю, вообще серьезно прогрессирует в последние годы. Сегодня если раненый не умирает сразу, то вероятность того, что он выживет, превышает девяносто процентов, каким бы тяжелым ни было ранение. Научились бороться и с болевым шоком, и с кровопотерей.

– А как, по каким направлениям можно сократить расходы в новой ГПВ? Например, в

авиации у нас семь типов истребителей, три типа основных ударных вертолетов и так далее. И это явный перебор. Очевидно, что нужна унификация, но военные ей, по-видимому, противятся – как, собственно, и промышленность.

– Унификация парка позволит сэкономить на эксплуатационных расходах, но не на стоимости закупок. И надо еще смотреть, перевесит ли экономия от унификации социально-политические и экономические издержки от закрытия заводов.

В принципе, если взять страны, сравнимые с Россией по ВВП и, например, по составу ВВС, то у них гораздо более гомогенный парк. Как правило, один или два основных типа тактических истребителей. В России это пока не так. Но для принятия решения о выборе в пользу одного типа и отказа от всех остальных человек, берущий на себя такую ответственность, должен обладать невероятным авторитетом, безупречной репутацией и компетентностью. Вот простая вводная: у вас есть три современных авиационных комплекса. Су-34 очень нужен ВКС для работы в локальных конфликтах вроде войны с Грузией. Су-30СМ хорош тем, что ОКР оплачен иностранным заказчиком и самим производителем – Минобороны не вложило в разработку ни копейки. В случае с Су-30СМ вы имеете отработанное серийное производство. Кроме того, этот комплекс сбалансирован по своим возможностям, он очень нравится не только ВКС, но и морской авиации ВМФ. Наконец, есть Су-35, без производства которого надо будет эвакуировать Комсомольск-на-Амуре. Вот и поставьте себя на место человека, который должны сделать такой выбор.

В целом же уровень унификации будет постепенно нарастать, особенно при переходе к новому поколению систем. В принципе, этот процесс уже идет. Взять те же тактические истребители: сохраняя закупки трех типов тяжелых платформ, ВКС фактически отказались от приобретения в значимых количествах так называемых легких истребителей. Они на самом деле и не легкие, и не дешевые, и потенциал имеют гораздо более скромный. То есть от советской концепции двухсоставного парка

происходит постепенный переход к концепции «большая страна – тяжелый истребитель».

Нулевая рентабельность

– Сейчас в нашем ВПК вновь остро встал вопрос образования цен на военную технику для Минобороны. Так, глава ОАК Юрий Слюсарь уже открыто призвал военных закупать самолеты по рыночным ценам, как тушенку и другие продукты питания. Из его слов следует, что техника по гособоронзаказу чуть ли втрое дешевле той, что идет на экспорт. Почему так происходит?

– Уровень рентабельности закупок по гособоронзаказу действительно приближается к нулю. Не по всем системам, но по многим, если не по большинству. И это при том, что законом четко определена маржа, которую должно получать предприятие: 20 процентов рентабельности на собственную продукцию и один процент – на покупные комплектующие изделия. Но весь вопрос в том, как эту рентабельность считать. Например, военные часто отказываются принимать в расчет себестоимости расходы предприятий на коммуналку, которая висит на заводе. И тогда реальная маржа сразу падает, условно говоря, с 20 процентов до пяти. Отчасти это наследие девяностых годов. Именно тогда укоренилось мнение, что промышленность должна снабжать военных чуть ли не за свои деньги, например полученные от экспорта. Часто Минобороны отказывалось платить за НИОКР, особенно если есть экспорт. Аргументация такая: если уже проведены ОКР для экспортного заказчика (а других тогда не было), то в цену серийных образцов для Минобороны эту статью не включайте. Но, простите, русификация тоже стоит денег. «Иркут» за свои кровные провел ОКР по русификации Су-30МКИ и превращения его в Су-30СМ. Су-35 – это инициативная разработка «Сухого», проведенная на собственные и заемные средства и средства «Рособоронэкспорта».

Вообще, очень похоже, что Анатолий Сердюков, будучи министром, ненавидел ОКР. И у него были на то основания, потому что это весьма коррупционная тема. Но ты разберись,

кто ворует, а кто нет, кто может сделать, а кто нет. Это же всё известно. Но вместо того, чтобы разобраться, была затеяна азартная торговля с промышленностью, которая, в свою очередь, почувствовала, что скоро придут большие деньги, и была готова на все. Вспомните бурное совещание в Северодвинске в 2011 году, когда цены на подводные лодки согласовывал чуть ли не сам Путин. И это только один эпизод, ставший достоянием СМИ. На самом деле в период подготовки ГПВ-2020 Минобороны относилось к собственной промышленности как к каким-то врагам и бракоделам. Наверное, часть оборонных предприятий такую репутацию заслужила. Но, в конце концов, и военные, и промышленность делают одно общее дело. К счастью, когда этими вопросами стал заниматься Юрий Борисов, атмосфера радикально изменилась, а подход нашего военного ведомства стал гораздо более профессиональным и компетентным.

– Уже всем ясно, что жирные годы для нашей обороны позади, предприятиям необходимо проводить конверсию, увеличивать выпуск гражданской продукции. В каких сегментах и за счет чего это можно сделать?

– Ни в какую конверсию я не верю. Почти все главы оборонных предприятий понимали необходимость диверсификации производства с самого начала девяностых годов. И там, где это было возможно, сделали. Прежде всего в авиапроме, двигателестроении, кораблестроении. Но это нельзя сделать ни при каких условиях в отрасли боеприпасов, производства порохов. Думаю, что с большим трудом диверсификация возможна в ракетостроении. Кстати, примерно так же обстоят дела в США. Возьмите список Defense News и увидите, что, например, у корпорации Raytheon (выпускает ракеты и системы наведения) доля военной продукции составляет почти 90 процентов, а у Boeing – только 50 процентов.

– Но как нашему ВПК увеличить выпуск гражданской продукции?

– Нужна государственная программа финансирования конверсии и соответствующие

меры поддержки. Сейчас уже мало кто помнит, но еще двенадцать лет назад наши авиакомпании эксплуатировали преимущественно отечественные самолеты. И только где-то с 2005 года пошел вал западной авиатехники. Но государство ничего не сделало для сохранения национального якорного рынка за российским производителем. Хотя достаточно было нескольких правительственных директив, чтобы государственные авиакомпании хотя бы временно закупили Ту-204. Думаю, что сотню таких самолетов можно было продать на российском рынке. Но вместо этого авиаперевозчики потратили миллиарды долларов на приобретение Boeing и Airbus. И только сейчас хотя бы на уровне риторики политическое руководство страны начало говорить о защите национального рынка, о приоритете закупок SSJ-100 и MC-21. Но отмотать назад эту ситуацию будет очень сложно, хотя и не невозможно.

Все на продажу

– Если оборонный заказ сокращается, а с конверсией все очень сложно, то очевидно, что нашему ВПК любыми способами необходимо увеличивать экспорт. Но он уже несколько лет не растет, оставаясь на отметке 14–15 миллиардов долларов. При этом мы теряем позиции на рынке – нас уже вытеснила со второго места Франция, которая продала оружия в прошлом году более чем на 20 миллиардов долларов.

– Если посмотреть на крупнейших покупателей российских вооружений, то мы увидим, что Индия последовательно диверсифицирует источники вооружений, Китай обеспечивает себя сам по основным видам военной техники, Венесуэла переживает тяжелый экономический и политический кризис, Вьетнам также стремится найти альтернативы российским вооружениям. Сирия воюет, Иран под санкциями, Ливия де-факто уничтожена и так далее. То есть по каждому крупному импортеру есть объяснения стагнации или сокращения закупок. Но у меня есть интуитивное и провокационное объяснение тому, почему оборонный экспорт России не растет с 2013 года. В моем представлении позиции страны на рынке вооружений – это очень тонкий индикатор инте-

гральной мощи государства. Сюда входит почти все – экономическая, промышленная, технологическая и военная мощь, мягкая сила, дипломатическое искусство и многое другое. В качестве слабого подтверждения этой гипотезы могу сказать, что худшие позиции России на мировом рынке оружия были в 1994 и 1998 годах. В первом случае это последствия острого политического кризиса 1993 года, когда наша страна чуть не свалилась в гражданскую войну и полный развал, во втором – дефолта и министерской чехарды. В результате, например, в 1994 году Россия поставила оружия всего на 1,7 миллиарда долларов – это исторический минимум за все время. И наоборот, когда интегральная мощь России росла, а это продолжалось до конца 2013 года, уверенно росли и продажи наших вооружений в мире. Таким образом, гипотеза состоит в том, что до 2013 года интегральная мощь России росла даже несмотря на то, что экономическая и социально-политическая стагнация уже отчетливо ощущалась, а вот после 2013 года этот рост прекратился.

– А за счет чего мы можем увеличить продажи?

– Агрессивное предложение совместных проектов по типу BrahMos в Индии, отказ от самоограничений на сотрудничество с рядом стран, например с Ираном и Пакистаном, продолжение попыток выйти на рынки нефтяных монархий Персидского залива.

– Но мы с Индией уже лет шесть не можем договориться о совместном производстве истребителя пятого поколения FGFA, хотя первый этап проекта давно завершен...

– Это интересный момент. Есть парадокс в том, что в девяностые годы, когда Россия переживала национальную катастрофу, были запущены такие грандиозные проекты, как создание истребителей Су-30МКИ и СП по производству ракет BrahMos. Но вернемся к FGFA. Бюджет ВВС Индии на закупку летательных аппаратов составляет примерно 2,5 миллиарда долларов в год. Примерно до 2021-го основной объем этих средств будет погираться оплатой скандального контракта на закупку истребителей Rafale в объеме восемь

миллиардов евро. Вообще, уже в момент выбора дорогого Rafale было ясно, что закупка этого истребителя лишит индийские ВВС возможности получить в необходимые сроки технологию пятого поколения. Тем не менее работа по проекту FGFA продолжается, и я уверен, что контракт на совместное проектирование будет подписан.

– Тогда нельзя обойти и Китай. У китайцев огромный дефицит стратегической авиации и очень велика потребность в современных платформах.

– Китайцы – тяжелые партнеры, ориентированные на автономную работу. Надо посмотреть, как пойдет с ними работа по созданию широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета. По «стратегам», боюсь, время ушло. В нулевые такой проект еще мог состояться, а сегодня они уже будут делать его сами. Хотя сама по себе идея очень интересная. Причем, если я правильно понимаю, в отличие от России им как раз нужен сверхзвуковой самолет, способный выполнять маловысотный полет для прорыва ПВО. Наши «стратеги» будут оперировать в пустынном пространстве над полюсом в Арктике, а китайцам надо прорывать плотную ПВО первой цепи островов.

– И, наверное, нам надо перестать ограничивать себя в области ВТС с такими странами, как Пакистан.

– Самоограничения на торговлю с Пакистаном устарели. Россия слишком долго опасалась индийской реакции. Но почему США и Франция, которые являются для Пакистана основными источниками боевых самолетов и подводных лодок, могут параллельно работать в Индии, а Россия опасается испортить отношения с Дели? Пакистан в какой-то период времени был третьим покупателем французского оружия после ОАЭ и Саудовской Аравии. Но это не помешало Индии купить истребители Rafale и подлодки Scorpene. Почему Россия, чтобы продать Исламабаду четыре боевых вертолета, которые будут работать в зоне племен на границе с Афганистаном, должна получать на эту сделку неформальное согласие индийцев?

До тех пор пока Индия воспринимала Россию как стратегического партнера не на словах, а на деле, самоограничения имели смысл. Но теперь, когда Дели не просто диверсифицирует источники вооружений, а фактически переориентируется на США и Францию, эту практику надо менять. Если индийцы покупают американские и французские военнотранспортные и боевые самолеты, это их суверенное право. Но тогда и Россия резервирует за собой право ставить свои коммерческие интересы выше политических. Например, в 2011 году Индия выкинула из тендера МиГ-35. Значит, индийские специалисты, в компетентности которых нет ни малейших оснований сомневаться, считают, что этот самолет хуже закупленного ими Rafale. Из этого логически вытекает, что у индийцев не должно быть возражений, если Россия поставит эти самолеты в Пакистан, никакого ущерба военнополитическим интересам Индии от поставок такого «плохого» самолета не возникнет. Вообще, пакистанцы любят русское оружие. Они столкнулись с ним во время войны в Афганистане и прониклись большим уважением. А индийцы, видимо, начали забывать, чье оружие (и чья военно-политическая поддержка) обеспечило им успех во время кризиса в Восточной Бенгалии в 1971 году. На западной военной технике хорошо и комфортно служить, а на российской – воевать. Индийцы, конечно, почувствовали вкус к западной технике. Понятно, что в мирное время эксплуатировать западные системы и служить на них комфортнее. Но иногда случаются войны, а в реальных боевых действиях все становится на свои места.

– А нашему ВПК реально выйти на какие-то новые рынки? Мы много лет ведем какие-то переговоры с арабами о многомиллиардных контрактах, но они у нас так ничего и не покупают...

– По-настоящему качественный скачок в продажах нашей техники, такой, чтобы радикально превысить существующие 15 миллиардов долларов в год, может обеспечить только выход на рынок нефтяных монархий Персидского залива. До сих пор у России были огра-

ниченные успехи в Кувейте и в ОАЭ. Первая страна еще в девяностые годы закупила БМП-3 и РСЗО «Смерч», а вторая – те же БМП-3 и ракетно-пушечные комплексы ПВО «Панцирь». Но пока саудиты или катарцы не начнут крупные закупки нашей техники, радикальный рост объемов оборонного экспорта представляется маловероятным, прорыва в продажах оружия в целом добиться будет очень трудно.

– Буквально на днях Катар объявил о покупке в США партии устаревших истребителей F-15 почти на 12 миллиардов долларов. Но зачем?

– Гигантские саудовские и катарские закупки в США и в Европе – это в реальности не приобретение оружия, а завуалированная покупка гарантий внешней и внутренней безопасности. Существование арабских монархических режимов в значительной степени зависит от англосаксов. Более того, саудиты в принципе смогли узурпировать трон, похитив его у хашимитов, только благодаря британцам. За такое благое дело можно каждые двадцать

лет покупать на пару десятков миллиардов фунтов по 72 истребителя.

России в этом контексте попасть на саудовский и катарский рынок сложно, но все однажды случается впервые, так что упорная и кропотливая работа ведется в этом направлении уже более двадцати лет. Времена меняются, возникают новые возможности. Возникло конъюнктурное партнерство на рынке нефти, может, и до закупки вооружений дело дойдет. Тем более что по факту неприхотливое российское вооружение оказывается нужно там, где идут реальные боевые действия. Например, российский танк Т-90С очень хорошо показал себя на испытаниях в аравийской пустыне. Кажется, он единственный прошел весь маршрут – сотни километров – без поломок. Но решение о закупках там принимают не военные, а малик. Сейчас, возможно, наследный принц. И делают они это отнюдь не по результатам испытаний техники.

Алексей Хазбиев.